

УДК 1(091):316.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.148

ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово
ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия»,
г. Кемерово

Правовая проблематика является одной из наиболее значимых на современном этапе мирового развития. Данный регулятор общественных отношений является вершиной теоретической мысли интеллектуалов различных эпох и цивилизаций. Однако комплексный характер права дает основания для построения множества дискурсивных мостов, связанных с пониманием данного феномена. Сегодня философы стремятся преодолеть проблему неоднозначного восприятия права, а также последующих этапов, связанных с его пониманием и практическим применением. Различные попытки, ориентированные на позитивизацию правопонимания, предлагают плюрализм инструментов и методов для достижения данной амбициозной цели. Представители аналитической философии, преследуя точность и ясность в толковании правовых норм и понятий, предпочитают руководствоваться строгими методами. Настоящая статья посвящена анализу вклада аналитиков в эволюцию правопонимания на современном этапе мирового развития. Осуществлен анализ направлений воздействия идей аналитической философии на правовую сферу. Обозначены ключевые достижения, связанные с контекстуальным пониманием норм. Выявлена двойственная природа права. Проведены разграничительные линии между сферой права и другими областями общественной жизни. В заключение подведены итоги и намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: аналитическая философия, правопонимание, правоприменение, юридический язык, контекст, право.

В последние десятилетия в философском понимании социальной действительности рельефно проступает значимая проблема, связанная с выявлением и практическим использованием методологии к содержательному анализу права как одного из регуляторов интересубъективных отношений. Большинство российских исследователей сущности права указывают на существование двух диаметрально противоположных точек зрения. В.В. Оглезнев указывает на существование заочной дискуссии об эффективности сциентистской и концептуальной версий правопонимания и возможностях их применения при формировании нормативных систем на национальном и международном уровнях [9].

Представители сциентистской концепции отмечают необходимость формирования натурализованной юриспруденции, приматом которой оказывается так называемый юридический факт в лице сформированной нормы права. Методологический принцип заключается в эмпирическом способе обоснования формируемых правовых норм, следовательно, вектор развития ключевого феномена детерминируется деятельностью практикующих юристов [15]. Именно представители этой профессии способны четко сформулировать объект исследования и выявить предмет своего изучения именно в опыте, т. е. в совокупности способов применения нормативной базы в различных ситуациях. Вдобавок к этому, практики могут изучать проблемы через формулирование концептов и предложение терминов для обозначения конкретных ситуаций, поскольку новые речевые единицы могут представляться более продуктивными в части альтернативных разрешений прежних трудностей. Наконец, сильная зависимость юристов от устоявшейся государственной политики позволяет как нельзя лучше погрузиться в область правоприменения конкретных норм: они могут обращаться к применению догм права, т. е. некоторых юридических канонов, которые по своей природе существенно отличаются от концептуального анализа правовых норм.

В свою очередь, концептуалисты исходят из общего понимания правовых норм и в своем стремлении постигнуть их сущность зачастую игнорируют их непосредственное применение ради постижения содержательного начала в социальной действительности. Полагается, что в качестве методологических оснований представители данного направления сосредотачиваются на аналитике языковых форм выражения правовой стороны общественной жизни. Смысл представленных идей можно свести к тому, что правовые термины должны интерпретироваться не с точки зрения эмпирического опыта и множества отдельных фактов, наполняющих юридическую науку, но исходя из тех условий, которые детерминируют необходимость использования конкретных дефиниций с хорошо известным значением [3]. Необходимо сказать, что принципиальное место здесь отводится позиции позднего Витгенштейна, согласно которому, определяющими являются «грамматические» конвенции, содержательно оправдывающие употребление того или иного предложения [16].

Сегодня в рамках юридического языка витгенштейновские идеи указывают на необходимость признания того, что именно конвенции, достигаемые между всеми участниками правовых процессов (при формировании и дальнейшем использовании норм) определяют вектор понимания сущности права. Один из классиков юридического позитивизма Дж. Остин считал, что более четкое понимание использования слов и выражений позволяет лучше понять сами правовые феномены, которые определяются соответствующими лексическими единицами. Так, для формирования, применения и толкования юридических норм, содержащих в себе соответствующие факты или социальные практики как многообразные варианты поведения чело-

века, используются понятия и суждения как формы мыслительной деятельности [7]. Таким образом отчетливо видно обращение к инструментарию традиционной формальной логики, в соответствии с положениями которой понятие предполагает наличие совокупности признаков предметов, что позволяет отличать один результат представления от другого. Содержательное прояснение таких признаков позволяет, как справедливо показывают современные исследования в области юридического позитивизма, в максимально четкой форме определить принципы регулирования социального поведения человека и социальных групп.

При этом следует говорить о том, что занимающий видное место в аналитической философской традиции концептуальный анализ через распознавание свойств направлен на распознавание содержания соответствующего слова, которое раскрывает смысл действий или отношений между юридически значимыми фактами. Именно такие свойства оказываются необходимыми и достаточными условиями использования понятия как формы выражения соответствующих действий в сфере права.

Рассмотрим, как представленная концептуализация правовых норм реализуется на практике. Обратимся к формированию системы международного права в Европейском союзе. А.Я. Капустин указывает на существование спора по поводу соотношения понятий «европейское право» и «право Европейского союза». Данная дискуссия основывается на различии в понимании данных понятий, а также исходных принципов, организующих восприятие и практическое применение системы европейского правового порядка. Содержательно же спор ведется относительно того, насколько оправданным является использование термина «европейское право». Аналитические эмпирики указывают на многозначность данной дефиниции, что приводит к некоторым неудобствам при его употреблении. Дополнительные затруднения появляются и за счет сложности и неоднородности Европейского союза, каждая из опор которого имеет различные свойства юридической природы [4]. Главным образом обозначенная совокупность специфических черт дискуссии приводит к возникновению коллизий по поводу четкого и ясного определения пространства применения правовых норм и регламентов их использования. Примечательно, но при осмыслении данного спора можно столкнуться с допущениями на предмет возможности противоречия одних государственных норм регламенту других государств. Отсюда следует, что сторонники аналитического эмпиризма вряд ли смогут разрешить представленную проблему.

Однако следует заметить, что идея В.В. Оглезнева об аналитическом концептуализме, который предполагает выделение у любого юридического понятия ряда свойств, действительно обладает определенной эвристикой и практической ориентированностью [8]. В частности, прикладной потенциал находит свою реализацию в том, что на международном уровне формируется система правовых норм, регулирующих, к примеру, правоотношения внутри государств Европейского Союза. Нельзя не согласиться с А.Я. Капустиным в

его суждении, что правоотношения внутри ЕС регулируются европейским правом вообще, но не отдельными нормативно-правовыми актами, что позволяет сформулировать общепризнанные и общепринятые европейские юридические нормы, выступающие в качестве самых общих принципов организации взаимодействия субъектов Европейского союза [4]. Закономерно, что такая система мыслится как множество самых общих концептуальных принципов организации взаимодействий на международном уровне, тогда как национальные правовые системы в рассматриваемом кейсе становятся не чем иным, как частным проявлением общих принципов, или же правовыми фактами. Именно через призму аналитической философии становится понятна механика формирования единой институциональной системы Европейского союза, а также единое членство государств в ЕС и многих различных сообществах. В частности, широко известный Маастрихтский договор определяет не только наличие и функционирование самых общих правил, но и многочисленные факты в подтверждение того, что «правовая система ЕС построена на единых международно-правовых принципах» [4, с. 118].

Действительно, принимаемые и ратифицируемые международные договоры, каждый из которых регулирует одну из сторон межгосударственной интеракции, фундируют общую правовую систему. Наличие таких нормативных документов предполагает использование единых и изначально сформированных принципов организации взаимодействия целого ряда государств на международной арене. В самом деле, внешне представленная таким образом система может восприниматься в качестве практического применения концептуального анализа юридических норм. Именно благодаря практической реализации проявляют свои детерминационные и объяснительные возможности идеи аналитических философов для эволюции правопонимания. В дальнейшем принятые нормы становятся не только универсальными принципами, формирующими основания множественных интеракций, но и способами организации национальных правовых систем, в которые закладывается базис более высокого порядка. Изучение функционирования правовых норм в очередной раз позволяет заявить о том, что идеи имеют значение, определяя способы интересубъективных взаимодействий.

Другая сторона практического применения интеллектуальных конструкций аналитической философии усматривается нами через возможности расширения правового регулирования интеграции в целое сообщество. На примере интеграции уже упомянутых европейских стран в ЕС можно говорить о включении в таковую регламентацию направлений внешней политики, безопасности и сотрудничества в различных сферах, а также в области правосудия и внутренних делах. В итоге можно говорить о том, что на основании концептуального анализа, предложенного аналитической философией, в правовой сфере выстраивается целая вертикаль, предлагающая не только теоретические модели, но и варианты их реализации.

Еще одним значением аналитической философии для поступательного развития правопонимания можно предпринять через осмысление «гильотины Юма», содержание которой, как известно, состоит в невозможности перехода от описательных предложений к суждениям со связкой «должен». По своему содержанию невозможность такого логического шага означает запрет на переход от утвердительных категорических суждений к модальным обязывающим суждениям [6]. При изучении «гильотины Юма» можно выделить два аспекта. Первый из них обладает исключительно теоретическим значением и связан с разделением области атрибутивных суждений, имеющих эпистемологическую модальность от суждений, которые обладают деонтической модальностью в различных ее вариантах («запрещено», «разрешено», «безразлично» или «обязательно»). Действительно, и на практическом, и на теоретическом уровне такое разделение представляется буквально витальным, поскольку отражает смысл, содержание и реальную правоприменительную практику.

При обращении к наследию аналитиков весьма распространена их приверженность прецедентам, вследствие чего они зачастую воспринимаются как представители правового реализма. Напомним, что эта исследовательская позиция сопряжена с результатами профессиональной деятельности судей. При этом необходимо сказать, что вынесение последними решений, как правило, предопределяется определенным контекстом, или же совокупностью конституирующих то или иное социокультурное явление набором параметров, нежели содержательной частью различных норм права. В свою очередь, данный подход очень тесно связан с положениями философии прагматизма [8]. Именно необходимость понимания права через результаты деятельности судей как разновидности практики приводит исследователей к вполне закономерному утверждению, что «для надлежащей практики правоприменения юристу в большей степени следует знать социологию и психологию, нежели исследования в области философии права, ориентированные на анализ специфики правовых институтов и правовых понятий» [8, с. 136–137].

Второй аспект изучения «гильотины Юма» связывается с прикладным значением: каким образом применять принятую норму права в той или иной ситуации? Система прецедентов опирается на концепцию естественного права, в рамках которой реализуются интенции человека к поиску справедливости, что, в свою очередь, «порождает сложную проблему соотношения того, когда разные решения по сходным поводам формулируются в одних и тех же терминах, тем более когда это осуществляется в рамках одной и той же прецедентной системы» [8, с. 137]. Проблемным представляется факт, что одни и те же юридические термины в одних и тех же условиях открывают возможности для описаний различных решений суда, значит, в ряде случаев формируются антиномии, возникновение которых формально-юридически вовсе не должно было произойти.

Налицо противоречие, содержание которого предстает в двух началах. Одна сторона заключается в том, что в своих стремлениях учесть все возможные нюансы юристы формируют такую судебную практику, на которую действительно можно ссылаться. Однако следует заметить, что использование в качестве примеров отдельных решений суда приводит к их столкновению и противопоставлению, что способствует непониманию основных принципов решения целых классов дел. Здесь срабатывает логика Э. Гуссерля по поводу того, что из фактов следуют только факты, что в конечном счете приводит к возможности формирования совершенно различных решений суда. В данном ракурсе реализация «гильотины Юма» происходит в форме потребности исключительно точного употребления суждений о свойствах предмета без перехода к деонтологической модальности. Именно последняя исключается из системы судопроизводства как формы правоприменения. Являясь сущностным принципом, данная модальность более не определяется как нарратив, или, говоря более развернуто, применяемый в правовой среде руководящий принцип. Следствием для эволюции правоприменения является отсутствие исходных нарративов как принципа правопонимания.

Другая сторона выявленного противоречия связывается с использованием терминов. Признается, что решения формулируются в тождественных терминах, однако остается неясным, понимается ли тот или иной термин одинаково в различных решениях [8, с. 137]. Разумеется, данная проблема также может быть отнесена к «гильотине Юма» по причине того, совокупность признаков используемых понятий имеет прямую корреляцию с естественными состояниями человека – и это признается представителями аналитической философии права. Однако используемая логика «гильотины» детерминирует невозможность обязывания, разрешения или запрета только исходя из наличия свойств у человека как субъекта, принадлежащего к естественному и юридическому мирам одновременно. Вместе с тем, затруднительным становится анализ терминов и выявление таких признаков совокупности предметов, которые могли бы быть использованы при вынесении единообразных судебных решений. Заслуга аналитиков в попытках определения систем единых понятий, которые бы имели сходные признаки вне зависимости от ситуаций, в которых они применяются. Они указывают на необходимость выявления и формирования ядра правовой системы и последующей кодификации совокупности юридических понятий с заранее известными и четко определенными свойствами, а значит – и содержанием [8].

Действительно, рассуждения в данном ключе позволили бы сформировать представления о позитивном праве как социальном выражении естественных норм, отражающих имеющиеся признаки предметов в соответствии с их природным существованием. К примеру, внедрение и использование позитивного права позволяет кодифицировать правовую систему ро-

мано-германских стран. Кроме того, проводимая кодификация обозначенной системы позволяет на деле разрешить «гильотину Юма», ведь такая процедура способствует выявлению и обозначению как свойств предметов, так и отношений между субъектами социальной интеракции или же вовсе совершаемых ими деяний. Понимаемые в такой логике объекты правового регулирования наделяются атрибутивными свойствами, становясь таким образом соответствующим видом суждений, выраженных в языковой форме [14]. В данном случае правовая реальность выступает языковой средой, в которой принципиальное значение придается наличию либо отсутствию свойств предмета регулирования. Право не выражает разрешения, запреты или обязанности лица по поводу совершения действий или отказа от такового: представители аналитической философии права относили данную область к иным регуляторам общественных отношений, к примеру переводя ее в сферу морали или этикета. В итоге можно говорить, что аналитическая философия выдвигает тезис о разделении сферы оценок и сферы знания и атрибутов с возможностью разделения на сферы влияния и регуляции общественных отношений. Важно, что правовая реальность оказывается морально нейтральной [2], что способствует точности и однозначности применения норм, правил и принципов в актуальной социальной действительности.

Очередным направлением имплементации положений рассматриваемого философского направления для правопонимания является разработка методов, используемых в процессе анализа содержания юридических понятий и их соотношения. Г. Харт полагает следующее: юридический язык включает в себе аномалию языкового порядка, которая связана с тем, что употребляемые в обыденной жизни слова и термины имеют аналоги в естественной природе. Методологическим принципом в данном случае становится положение о прямой зависимости правовых норм от естественных принципов. В частности, признаются факты существования соотношения между мирами вещей и слов и выражений, при помощи которых определяются возможности передачи знаний о свойствах предметов в символической форме [5; 13]. Для языковых единиц и их совокупностей, используемых в повседневных практиках, представленное положение дел является оправданным, поскольку непосредственно отражает указанную связь. Однако с юридическими понятиями дело обстоит несколько иначе: они не имеют соответствующих аналогов, вследствие чего их значения сильно размыты. Это приводит к тому, что в области юридической практики становится невозможным сформировать какие-либо единые значения для терминов, значит, данные понятия как факты обладают аномальной природой.

Через указание на такую ошибку в природе юридической терминологии Г. Харт допускает наличие некоторой степени неопределенности соответствующих понятий, что позволяет заранее руководствоваться возможностью для реализации многочисленных вариантов толкования правовых дефи-

ний [11; 12]. Это дает возможность распространять логику единства концептуального анализа правовых терминов и их восприятия как фактов на весь спектр юридического языка. Однако с точки зрения прецедентного права появляется вероятность для формирования различных юридических прецедентов, основанных на использовании дифференциаций в терминологии и присутствии в понятиях отличающихся от друга признаков. Исходя из этого, аналитическая философия позволяет разделить формальную и содержательную сторону правопонимания, что оцениваем в позитивной модальности для эволюционной магистрали развития правовых систем.

Благодаря аналитической традиции право понимается как языковая система, самогенерирующая и самодетерминируемая на основании принципов и лингвистических правил, но никак не способ отражения предметов естественного мира. Помимо прочего, в рамках аналитической философии признается, что сам язык отныне «перестает восприниматься как система дескрипций внешних объектов, образцом для которой выступает предельно абстрактный и технический язык логики или логически опосредованной эмпирической науки» [5, с. 46]. Развитие понимания права происходит через переход от связи с естественным миром к языковым играм как системе понятий, каждое из которых наделяется необходимыми свойствами в соответствии с актуальными условиями социального бытия. На этом язык можно трактовать в качестве совокупности инструментов, призванных достичь поставленных целей и результатов. Любопытно, но именно здесь мы обращаем внимание на выделение нового исследовательского трека, связанного с трансформациями традиционных вопросов как сущности, так и применения правовых норм на практике.

Заслуживает внимания признание аналитиками оторванности правовых норм от естественного мира, поскольку они попросту не выражают свойств отдельных предметов, но скорее предстают как результат конвенций в конкретных социальных условиях. Невозможно не отметить влияние идей М. Фуко о нескольких видах соотношения слов и вещей, формирующих эпистему, благодаря чему в полной мере становятся понятны причины принципиальной значимости контекста употребления юридических понятий, а также возможности формирования различных прецедентов, не сводимых к единым принципам и концептам в правовой среде.

Помимо этого, представители аналитической философии сформировали нововведение в правопонимании, выраженное в двойственности правовых норм, имеющих дескриптивную и аскриптивную природу. Напомним, первая выражается в том, что нормативные понятия должны соответствовать природным явлениям и предметам, следовательно, выражать их свойства, т. е. описывать предметы в их существовании. В свою очередь, аскриптивность правовых норм определяется «действием с помощью правил (“оперативом”) или производством нормативного вывода (нормативной квалификацией конкретного случая)» [5, с. 50]. В последующем именно данное разделение при-

роды правовых норм предопределяет способ их организации и функционирования. Итак, если дескриптивная сторона правовых норм определяет их соответствие вещам, то аскриптивная содержит в себе провозглашение и применение правил совместного действия. По сути, изменения, происходящие в правовой реальности под идеями аналитической философии, меняют точку отсчета. Здесь необходимо пояснить, что естественное положение дел более не определяет содержание правовых норм, поскольку в них более не отражаются исключительно признаки предметов. Принципиальным становится навязывание, или приписывание, юридическими нормами предметам и субъектам конкретных признаков и свойств, конституирующих специфику отношений между ними. Юридический язык создает и принимает нормы, которые становятся определяющими для активности участников юридического процесса. На практическом уровне можно говорить о том, что «человек как субъект правовых отношений – это уже не просто абстракция внутри идентификации нормативной системы как правовой. Образ человека определяется через анализ универсальных принципов его существования в обществе, то есть принципов, которые имеют определенные минимальные черты естественного права» [2, с. 101]. Люди в значительной степени утрачивают составляющие биологизаторского статуса, одновременно приобретая социальные элементы в качестве определяющих. Последний же детерминируется системными общественными нормами, которые регламентируют свойства человека как участника intersubъективных взаимодействий. Современный человек приобретает свойства именно благодаря аскриптивной природе норм, что подтверждает целесообразность следования правилу, сформированному аскриптивной природой права [1].

В заключение еще раз отметим высокую роль идей аналитической философии, которая применительно к праву сегодня выглядит буквально незаменимой, можно признать хотя бы потому, что она «акцентирует внимание именно на своеобразии юридических понятий, терминов, выражающих эти понятия, и всей правовой системы в целом как особого способа употребления языка» [8, с. 138]. Представители аналитической традиции актуализировали потребность исследовательского выхода за пределы исключительно правовых фактов и использования юридических понятий как средства выражения только единичных событий, значимых с правовой точки зрения. В таком ракурсе значение аналитической философии усматривается в признании необходимости учета социальных условий, в которых употребляется то или иное понятие [10]. Нельзя не отметить изменчивый характер социальных реалий, где функционируют правовые нормы, поскольку игнорирование динамизма, даже при вдумчивом применении инструментария концептуального анализа понятий, приведет к неотрефлексированности и отклонению от желаемых максимально эффективных описаний пространств(а), где применяется тот или иной термин. При этом одним из следствий реализации интеллектуальных конструктов аналитиков в социальных координатах становится концептуализация центральных понятий в области права.

В дополнение к этому, еще одной важной формой влияния идей аналитической философии на эволюцию правопонимания можно считать разграничение собственно правового поля от остальных зон и сфер регуляции общественной интеракции. Такое разграничение позволяет максимально формализовать те области, которые действительно в этом нуждаются, оставив за сферой морали способности и возможности выдвижения разного рода оценок. Следует отметить, что логическая модальность, инкорпорированная в совокупность формализованных суждений, становится сферой этики, но никак не юриспруденции.

Список литературы

1. Дидикин А.Б. Интерпретация проблемы следования правилу в аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 83–89.
2. Дидикин А.Б. Моральная нейтральность как правовая ценность: критический анализ философско-правовых аргументов А.В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 99–103.
3. Дидикин А.Б. Формирование аналитической традиции в современной философии права // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2010. Т. 4, № 1. С. 149–165.
4. Капустин А.Я. Право Европейского союза: понятие и классификация норм // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Юридические науки. 2000. № 2. С. 118–124.
5. Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 1. С. 43–71.
6. Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // Этическая мысль. 2012. № 12. С. 124–143.
7. Нехаев А.В. Плохой закон как чистое право: критические заметки к философии права Г.Л.А. Харта // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 72–80.
8. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия Г. Харта и правовой реализм // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 134–147.
9. Оглезнев В.В. Концептуальный анализ как методологическое средство аналитической юриспруденции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 46–51.
10. Стельмах Е. Старые и новые интерпретации юридического натурализма // Известия Высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4 (333). С. 6–19.
11. Суровцев В.А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2012. С. 74–81.
12. Харт Г.Л.А. Определение и теория в юриспруденции // Правоведение. 2008. № 5. С. 6–32.
13. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав // Правоведение. 2010. № 5. С. 116–135.

14. Хофельд У. Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации // Правоведение. 2012. № 3. С. 203–227.
15. Quine W. On Natural Deduction // Journal of Symbolic Logic. 1950 Vol. 15, № 2. P. 93–102.
16. Wittgenstein L. Philosophical Grammar. University of California Press, 1978. 495 p.

ANALYTICAL PHILOSOPHY SIGNIFICANCE IN LEGAL UNDERSTANDING EVOLUTION

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo
Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo

Legal issues are one of the most significant at the present stage of world development. This regulator of social relations is the pinnacle of the theoretical thought of intellectuals of various eras and civilizations. However, the complex nature of law gives rise to the construction of many discursive bridges related to the understanding of this phenomenon. Today, philosophers are trying to overcome the problem of ambiguous perception of law, as well as the subsequent stages associated with its understanding and practical application. Various attempts aimed at the positivization of legal understanding offer a plurality of tools and methods to achieve this ambitious goal. Representatives of analytical philosophy, pursuing accuracy and clarity in the interpretation of legal norms and concepts, prefer to be guided by strict methods. This article is devoted to the analysis of the contribution of analysts to the evolution of legal understanding at the present stage of world development. The analysis of the directions of influence of the ideas of analytical philosophy on the legal sphere is carried out. The key achievements related to the contextual understanding of the norms are outlined. The dual nature of law is revealed. Dividing lines are drawn between the sphere of law and other areas of public life. In conclusion, the results are summarized and prospects for further research are outlined.

Keywords: *analytical philosophy, legal understanding, law enforcement, legal language, context, law.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; доцент кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Author information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social sciences Department, Kuzbass State

Technical University named after T.F. Gorbachev; Associate Professor of Pedagogical technologies Department, Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 31.04.2023.